

Ч

Что скажут сегодня об адмирале Павле Степановиче Нахимове, родившемся 220 лет назад? Пожалуй, что это великий русский флотоводец. Уничтоживший в Синопском сражении 18 ноября 1853 года, в Крымскую войну, турецкую эскадру.

Тактик — третьестепенный

Но Синопское сражение — отнюдь не образец военно-морского искусства. Выиграть его обязан был любой адмирал, имевший такое превосходство в силах, какое было у Нахимова.

П. С. Нахимов, Памятник
на Крымском полуострове.
1853 г.

Да, он ввел в бой шесть боевых единиц, а турки — десять, но русские единицы — это 84 — 124-пушечные линейные корабли, а турецкие — фрегаты и корветы с числом орудий от 22 до 62. (Помогавшие им четыре 6—8-пушечных береговых батареи расклад не меняют)². Орудий у русских было больше, а главное — больше орудий крупнокалиберных. Чем крупнее калибр, тем тяжелее снаряд и, значит, тем больше (при прочих равных условиях) кинетическая энергия ядра, врезающегося в борт противника. А борт у фрегата и корвета тоньше, чем у линейного корабля...

Каких-либо тактических новшеств Нахимов при Синопе не продемонстрировал. Просто расставил свои суда на якорях вдоль линии стоявших на якорях же турецких — и палил до тех пор, пока враг не прекращал огонь или не взрывался.

Да и расставил далеко не оптимальным образом. Его флагман «Императрица Мария» встал так, что должен был драться с 4 судами и с береговой батареей. А для шедших за ним «Ве-

²
В. Тимм. Портрет П.С. Нахимова. 1855 год.

³
И. Айвазовский. Синопский бой, 1853 год.

ликого князя Константина» и «Чесмы» остались лишь позиции, с которых можно было палить только по 1—2 судам и по 1—2 батареям³...

Тактика для Нахимова вообще была чем-то третьестепенным. Ниже мы увидим, как он демонстративно не замечал тактических «изюминок» адмирала Нельсона в Трафальгарском сражении 1805 года. Да, Павел Степанович «подначивал» так молодых офицеров, дабы те упорнее овладевали своей профессией. Но в том-то и дело, что главное в профессии морского офицера он видел не в тактической грамотности.

А в собственно морском деле — в умении эксплуатировать военные парусные суда.

То есть, грамотно управляя ими, грамотно организуя службу на них, уверенно плавать на них и обеспечивать их боеспособность.

Без этого победу в бою не принесет даже и самая передовая тактика.

И вот в знании собственно морского дела Нахимов был в русском парусном флоте вне конкуренции.

ГЛАВНОЕ В ПРОФЕССИИ МОРСКОГО ОФИЦЕРА НАХИМОВ ВИДЕЛ НЕ В ТАКТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ, А В СОБСТВЕННО МОРСКОМ ДЕЛЕ. И В ЗНАНИИ СЛУЖБЫ НА ПАРУСНОМ ФЛОТЕ ЕМУ НЕ БЫЛО РАВНЫХ

Моряк от Бога

Он был таковым, уже командуя в 1834—1845 годах 84-пушечным линейным кораблем «Силистрия». Капитан 2 ранга Нахимов, докладывая 18 ноября 1837 года в Петербург главному командир Черноморского флота вице-адмирал М.П. Лазарев, «служит здесь образцом для всех командиров кораблей»⁴.

«Я спрошу всех сотоварищей, служивших в то время на Черном море, — напоминал попавший туда в 1842 году мичманом капитан 1 ранга А.Б. Асланбегов, — кто из них, встретясь в море с кораблем «Силистрия» и входя на рейд, где он красовался, не осматривал себя с ног до головы, чтобы показаться в возможно лучшем, безукоризненном виде зоркому капитану «Силистрии», от которого не скроется ни один шаг, ни малейший недостаток, так точно, как и лихое управление? Одобрение его считалось наградой, которую каждый старался заслуживать»⁴...

«Видел ли Павел Степанович Нахимов и что сказал?» — непременно интересовались в начале 1850-х офицеры-черноморцы, обсуждая по вечерам на Графской пристани Севастополя, насколько искусно маневрировали нынче уходящие в море или возвращавшиеся с моря суда⁵.

«Бриг «Эней», снявшись с якоря марта 29-го числа, лавируя из Новороссийска, имел во все время подтянутый галс косога грота, чего

⁴ М.П. Лазарев с П.С. Нахимовым и Е.В. Путятиным на берегу Русской Америки во время кругосветного плавания на фрегате «Крейсер» в 1822—1825 годах.

⁵ 84-пушечный линейный корабль «Силистрия».

отнодь не должно делать; если судно несет много руля на ветре, то травят гика-шкот, кроме того, когда ветер засвежел, на бриге взяли один риф и брамсели оставили закрепленными — что также не делается; если ветер так свеж, что при одном рифе не позволяет нести брамселей, то должно сейчас же взять другой и поставить брамсели и затем уже, если ветер свежеет, должно крестить их»⁶.

Это типичный пункт из приказов контр-адмирала (и затем вице-адмирала) Нахимова. В морской практике, в организации службы на парусном судне он знал абсолютно всё, до последних мелочей.

Он мог сразу сказать, что не стоит прописывать в Морском уставе необходимость постоянно иметь на судне готовой к спуску одну шлюпку, что надо иметь две — по одной с каждого борта. Кто знает, с какого именно потребуются вдруг быстро спустить шлюпку?

Что не стоит вводить в новом своде сигналов флаги, на которых есть и белый, и синий цвета. В пасмурную погоду белый в сочетании с синим особенно плохо различим на фоне белого неба.

Что не стоит заменять в палубах слюдяные фонари стеклянными. Высота междупалубного пространства всего 6—7 футов (183—213 см), и за фонарь легко задеть и гандшпуготом (рычагом для поворачивания орудий), и банником (щеткой для их чистки), и просто головой (тут фонарь вообще сорвется с крюка, на котором висит). Во всех этих случаях стеклянный разобьется — а слюдяной будет лишь помят...

Другого такого знатока не было, потому что быть не могло.

Потому что в морском деле Нахимов видел весь смысл своей жизни.

Однолюб

«Недоросля из дворян Павла Степанова сына Нахимова» два года не могли принять в Морской кадетский корпус: не хватало мест. Но в учебное плавание на корпусном бриге «Симеон и Анна» летом 1815-го 13-летний Павел ушел не дожидаясь зачисления — волонтером, за свой счет.

А став офицером, так никогда и не женился.

Хотя сердечных увлечений и не был чужд. (И очень любил детей!) Но свои воззрения на этот счет ясно изложил еще 24-летним лейтенантом, в письме лучшему другу, лейтенанту М.Ф. Рейнке (будущему известному ученому-гидрографу) от 25 января 1827 года: «Да, любезный Миша, если б я несколько более имел времени видиться с ней, тогда прощай твой бедный Павел без сердца и головы. Куда бы был тогда он годен? [...] Дай Бог, чтобы дурачество такого рода было со мною последнее»⁷.

Мичманов и лейтенантов 1840-х контр-адмирал Нахимов прямо и настойчиво отговаривал жениться. Старался отправить их «в дальнее

плавание для того, чтобы эта любовь выветрилась»: «женатый офицер — не служак»⁸!

На ней и только на ней был женат Нахимов на флотской службе. Вот если заменить в офицерской песне тех лет барышню на флотскую службу, то это была бы прямо исповедь Нахимова:

*К тебе, котора заложила
На сердце строп любви прямой
И грот-нок-тали прицепила,
К тебе дух принайтовлен мой!*

*Под фокам, гротом, марсельями,
Все лисели поставив вдруг,
На фордевинд под брамселями
К тебе летит мой страстный дух!⁹*

А детьми его были его суда. «Не знаю, кому достанется корабль «Силистрия», — с горечью, в предвидении ухода с должности командира по болезни, писал капитан 2 ранга Нахимов капитану 2 ранга Рейнке 1 октября 1838 года. — Кому суждено окончить воспитание этого юноши, которому дано доброе нравственное направление дано доброе основание для всех наук, но кото-

⁶

Н. Медовиков.
П.С. Нахимов во время
Синопского сражения
18 ноября 1853 года.
1952 год.

ОН ТАК НИКОГДА И НЕ ЖЕНИЛСЯ. ХОТЯ СЕРДЕЧНЫХ УВЛЕЧЕНИЙ И НЕ БЫЛ ЧУЖД. НА НЕЙ И ТОЛЬКО НА НЕЙ БЫЛ ЖЕНАТ НАХИМОВ — НА ФЛОТСКОЙ СЛУЖБЕ. А ДЕТЬМИ ЕГО БЫЛИ ЕГО СУДА

рый еще не кончил курса и не получил твердости, чтоб действовать самобытно»²⁰...

Свободное от службы время Нахимов — выскочка, сутуловатый, с неизменной подозрительной улыбкой — проводил на Графской пристани Севастополя. Оценивая взглядом профессионала проходящие суда: «чистоту» их маневров, скорость и отчетливость постановки и уборки парусов — словом, уровень морской культуры.

Поглощенный своим делом, он был «чужд житейских приемов человека, жившего в [светском. — Авт.] обществе». В движениях выказывал

*7

И. Прянишников.
Адмирал Нахимов
на севастопольском
бастионе. 1914 год.

«какую-то постоянную суетливость и озабоченность»²¹; говорил со «словоерсами» (т.е. прибавляя к словам частицу «с»; к середине XIX века это считалось уже провинциализмом).

Но главное в том, что столь же преданными делу профессионалами Нахимов стремился сделать всех военных моряков.

Воспитатель матросов

Он добивался этого отнюдь не только приказами с перечислением недостатков. Не только неуклонной требовательностью (отнюдь не исключавшей «полировку» матросов линьками.)

Нахимов старался подчиненных воодушевить, раззадорить!

А для этого убедить в чрезвычайной важности их дела даже неграмотных и неразвитых матросов. «Страх, — напоминал он офицерам, — подчас хорошее дело, да согласитесь, что ненатуральная вещь несколько лет напропалую работать ради страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу — [...]»²².

Эти «поощрение сочувствием» и привитие любви к службе у Нахимова получались каким-то не совсем сейчас осязаемым образом — но получались! Все мемуаристы свидетельствуют об одном и том же: «Матросы очень любили Нахимова, несмотря на его строгость по службе, и не иначе называли его, как «наш старик Павел Степанович»»²³. Еще с тех пор, когда 35—40-летний «старик» был лишь командиром «Силистрии»...

Судя по тем же воспоминаниям офицеров-черноморцев, главную роль тут играло то, что Павел Степанович умел говорить с матросом — говорить доступно и по-дружески, с «сочувствием», с юмором.

Умел — благо был доброжелательно настроен, знал психологию простолюдина той или иной губернии (к «хохлу» надо подойти иначе, чем к «кацапу») и обладал талантом внятно и просто объяснить сложные для неграмотного вещи. Ядро — оно как булка, а бомба — она, братец, как пирог с сыром (так на Украине называли творог. — Авт.), только вместо сыра порох... Так что такое бомба? Верно, ядро с порохом...

С молодыми офицерами было сложнее.

Воспитатель офицеров

Нахимов стремился воздействовать на их самолюбие — но подчас слишком прямолинейно.

«Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр, вадор-с, весь маневр Нельсона заключался в том, что он знал слабость своего неприятеля и свою силу и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый эн-

тузнам в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками. Вот это воспитание и составляет основную задачу нашей жизни [...]»¹⁴

Или: ««Как же это, г. NN, у вас сегодня брамшкоты не были вытянуты до места. Это дурно; вы никогда не будете хорошим адмиралом. Знаете ли, почему Нельсон разбил французско-испанский флот под Трафальгаром?» — «Артиллерия у него была хорошая». — «Мало того, что артиллерия была хороша; этого мало-с. Паруса хорошо стояли, все было вытянуто до места; брамсели у него стояли, конечно, не так, как у вас сегодня; французы увидели это, оробели — вот их и разбили»»¹⁵.

Это были откровенные натяжки, и мичман NN ожаждаемо иронизировал над тем, что «Павел Степанович приписывает успех Трафальгарского сражения вытянутым до места брамшкотам». Посмеивался над «простаком» и автор процитированных воспоминаний В.И. Зарудный, и многие другие¹⁶.

Однако раззадорить офицера «простаком» умел и беседой.

Спокойно, но твердо замечал, например, мичману, обидающемуся на изыскание за упущение по службе, что подобная обида есть малоду-

НА БАСТИОНАХ СЕВАСТОПОЛЯ ОН НЕ ПОДАВАЛ ВИДУ, ПОЛУЧАЯ КОНТУЗИИ КАМНЯМИ, ВЗМЕТЕННЫМИ УПАВШИМ ЯДРОМ ИЛИ РАЗРЫВОМ БОМБЫ. ХОТЯ И ХАРКАЛ ПОТОМ ПО ДВА ДНЯ КРОВЬЮ

шие перед лицом трудностей, а куда пришел бы тот же Древний Рим, будь его патриции малодушны?

Там, где надо, не критиковал, а приободрял: «Вы неудачно пристали к борту, это ничего-с, вы в первый раз приставали на гичке [легкой шлюпке. — Авт.] в такую погоду: я очень рад, что это вышло неудачно. Опыт великое дело-с»¹⁷...

И безотказно работал другой его педагогический прием — личный пример. Абсолютная преданность службе создала Нахимову такой авторитет, что оплошать мичману или лейтенанту было неудобно: что скажет Павел Степанович? А уж если тот произносил свою коронную фразу: «Теперь я вижу, что вы brave офицеры-с», то... «Я сам себе верить не хотел,

что я brave офицер, — вспоминал тот же Виктор Зарудный, — этот титул был для меня высшего почётного сана в государстве»¹⁸!

И сразу же после смерти Нахимова стало совершенно ясно, что он «более, чем кто-либо, содействовал выработке типа русского моряка и развитию в Черноморском флоте того героического духа, который так блистательно выказался» при Синопе и в обороне Севастополя¹⁹.

Вот как непревзойденный воспитатель русских моряков он прежде всего и должен остаться в истории.

И, конечно, как народный герой.

Душа и стержень легендарной обороны Севастополя в Крымскую войну.

¹⁸⁻¹⁰
Кадры из советского фильма «Адмирал Нахимов». 1946 год.

Народный герой

«Трудно выразить, до какой степени во всем и везде выражается необходимость его присутствия, — докладывал 22 апреля 1855 года генерал-адмиралу статский советник Б.П. Мансуров, — и до какой степени морзня наши кажутся убежденными, что Нахимов олицетворяет в себе стойкий и непоколебимый гений Севастополя»²⁰.

Помощник начальника Севастопольского гарнизона, он не только решал нескончаемые вопросы снабжения и присылки подкреплений. Его внимание и личный пример служили для защитников неодолимым источником моральной силы.

Он ежедневно объезжал на лошаденке все укрепления — находя каждый раз ободряющие слова для офицера, матроса и солдата.

* 11

В. Тимм. Похороны адмирала Нахимова.

«Вы воротились из отпуска, г. Лесли, очень рад, теперь хорошие офицеры мне нужны»²¹. (Как были нужны и до войны. — Авт.). «Смотри ж, друзья, докажите французам, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю, а за новые работы и за то, что вы хорошо деретесь, спасибо, ребята»²².

Все, как и до войны, все в порядке-с...

Он намеренно задерживался в самых опасных местах и оставался хладнокровным под любым огнем. Ничего особенного не происходит, все в порядке-с...

Он носил, как в мирное время, черной сюртук с золотыми, с «жирной» адмиральской бахромой, апазеты (подробнее об этом на стр. 24. — Ред.) Даром что все прочие офицеры, генералы и адмиралы в Севастополе ходили — чтобы не стать жертвой пули — в солдатских шинелях. Ничего особенного не происходит, все в порядке-с...

Он не подавал виду, получая контузии камнями, взметенными упавшим ядром или разрывом бомбы. Хотя и харкал потом по два дня кровью, а спина его ко дню смерти была «совершенно синия»²³. Ничего особенного не происходит, все в порядке-с...

И «весной, кто был на севастопольских бастионах, — писал капитан-лейтенант Д.М. Афанасьев, — помнит необыкновенный энтузиазм людей при ежедневных появлениях адмирала на батареях: истомленные донельзя матросы, а с ними и солдаты, воскресали при виде своего любимца и с новой силой готовы были творить и творили чудеса»²⁴...

Зажигая других, Нахимов сгорал сам.

К лету 1855-го его уже допрашивали боли в желудке, мучили рвота, головокружение, последствия контузий, случались обмороки.

Но об этом знал лишь хирург Х.Я. Гюббенет. «Это кадор, все пустяки», — выговаривал Нахимов даже в бреду, умирая 28-30 июня 1855 года от раны в голову»²⁵.

²⁰ См.: Жаңдор А. [П.] Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859. С. 361, 368-369.

²¹ Корнилов П. Синод: победы и поражения. Хроника военных действий Черноморского флота в Крымскую войну 1853-1856 гг. // Флотмастер. 1999. № 1. С. 6-7.

²² Адмирал Нахимов. М.: Л., 1945. С. 51.

²³ Асланбеков А. [Б.] Адмирал Павел Степанович Нахимов (биографический очерк) //

Морской сборник. 1868. № 3. Краткая и библиография. С. 6.

²⁴ Из архива князя Л.А. Ухтомского // Русская старина. 1911. Октябрь. С. 173.

²⁵ П.С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. С. 142-143.

²⁶ Там же. С. 65.

²⁷ Из архива князя Л.А. Ухтомского. С. 171.

²⁸ Русские морские песни, собранные А. Сиколовым // Морской сборник. 1854. № 6. Ч. 4. Учено-литературный. С. 135.

²⁹ П.С. Нахимов. Документы и

материалы. С. 121.

³⁰ Записки Петра Ночичева Меньшова. Т. 1. СПб., 1898. С. 319.

³¹ В.И. Зарудный. Фрегат «Балыч» // Морской сборник. 1856. № 13. Ч. неофициальная. С. 225.

³² П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 429.

³³ В.И. Зарудный. Фрегат «Балыч». С. 249.

³⁴ В.И. Зарудный. Материалы для истории обороны Севастополя. Об Адмирале Павле Степановиче Нахимове // Морской сборник. 1855. № 10. Отд. 2. Ч. 4. Учено-литературный. С. 472-473.

турник. С. 472-473.

³⁵ Там же. С. 473.

³⁶ В.И. Зарудный. Фрегат «Балыч». С. 245.

³⁷ Там же. С. 240-241.

³⁸ Описание обороны г. Севастополя. Составлено под руководством генерал-адъютанта Толлебека Ч.И. Отд. 1. СПб., 1872. С. 20.

³⁹ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 515.

⁴⁰ Письма военного флота капитан-лейтенанта Петра Ивановича Лесли // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю

Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Ч. 1. СПб., 1872. С. 342.

⁴¹ Последние минуты адмирала П.С. Нахимова // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1. СПб., 1871. С. 88.

⁴² Распоряжение Морского Ведомства о ранении // Морской сборник. 1855. № 7. Официальные статьи и известия. С. 185.

⁴³ Адмирал Нахимов. С. 223-224.

⁴⁴ Последние минуты адмирала П.С. Нахимова. С. 90.